

В. Г. Белинский

Литературная хроника

Виссарион Белинский
Литературная хроника

«Public Domain»

1838

Белинский В. Г.

Литературная хроника / В. Г. Белинский — «Public Domain»,
1838

Большая часть рецензий Белинского этого периода помещена в отделе «Литературная хроника». С особенным вниманием следит он в этом отделе за появлением каждой новой строки Пушкина. Белинский отрекается от своей прежней недооценки Пушкина и ставит его в ряд величайших мировых гениев. Предпосылки этой переоценки – в новом понимании действительности и новом отношении к ней.

Содержание

Комментарии	5
Литературная хроника	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8
Примечания	

Виссарион Григорьевич Белинский

Литературная хроника

Комментарии

Большая часть рецензий Белинского этого периода помещена в отделе «Литературная хроника». В отличие от библиографического отдела «Молвы» «Хроника» строится как целостный обзор наиболее примечательных литературных явлений; и «не столько новое, сколько примечательное, в каком бы то ни было значении, составляет постоянный и главный предмет библиографического отделения «Наблюдателя» (1836, ч. XVI, кн. II, стр. 599).

Белинский отмечает здесь заслуги Н. Полевого, дает первую и чрезвычайно высокую оценку стихов и прозы еще мало известного Лермонтова, наделенного «высоким поэтическим дарованием». С особенным вниманием следит он в этом отделе за появлением каждой новой строки Пушкина. Белинский отрекается от своей прежней недооценки Пушкина и ставит его в ряд величайших мировых гениев (см. также письмо к Н. Станкевичу от 19 апреля 1839 года). Предпосылки этой переоценки – в новом понимании действительности и новом отношении к ней.

Разумеется, Белинский ошибочно отождествлял свое примирение с «расейской действительностью» с пушкинским приятием мира, но вместе с тем Белинский теперь живет ощущает величие оптимистической поэзии Пушкина.

Новому отношению к Пушкину способствовало и появление посмертных произведений Пушкина («Медный всадник», «История села Горюхина», «Каменный гость», некоторых стихотворений, например «Памятник» и др.), имеющих огромное значение для полной и более правильной оценки пушкинского творчества. Так возникла надобность в новом освещении и той части пушкинского наследия, которая была неизвестна ранее.

Белинский пишет, что посмертные произведения великого поэта России свидетельствуют о новом периоде его художественной деятельности и об эпохе высшего развития его гения. Сущность поэзии Пушкина он видит в сейчас в «примирении с действительностью путем объективного созерцания» жизни. Но само это созерцание не отгораживается от мрачных сторон действительности. Такие произведения, как «Летопись села Горюхина» (в первой публикации «Горохина»), свидетельствуют, по его мнению, что Пушкин шел по тому же пути, на который позже вступил Гоголь: «Летопись села Горохина» в своем роде чудо совершенства, и если бы в нашей литературе не было повестей Гоголя, то мы ничего лучшего не знали бы». Таким образом, устанавливается Белинским творческая преемственность между двумя величайшими русскими писателями на почве реализма.

Литературная хроника

Описывай, не мудрствуя лукаво.
Пушкин^[1]

Начиная четвертый год своего существования, «Московский наблюдатель» хочет, наконец, поправить перед публикою свою вину, истинную или мнимую, отвратить от себя ее упрек, заслуженный или незаслуженный: полная по возможности библиография отныне будет его постоянною статьею^[2]. Не знаем, интересно ли будет публике – этому грозному властелину-невидимке, присутствие которого всякий видит во всем и везде, а никто не может указать, в чем и где оно именно, этому образу без лица, которому всякий, по своей воле и прихотям, дает и приписывает и волю и прихоти; не знаем, интересно ли будет публике, в каждой новой книжке журнала, находить себе новое доказательство, что для нее книг пишется много, а читать ей попрежнему – нечего. Но... нам что до этого? «Публика этого хочет», – говорят нам – и мы хотим исполнить ее желание. Нам часто случалось еще слышать и читать, что публика требует от журнала не одной критики и библиографии, но и полемических браней и схваток; но мы никогда этому не верили, сколько по уважению к *публике*, которую мы всегда отделяли от *толпы*, столько и потому, что мы никогда не любили рассчитывать своих успехов на счет своих убеждений, а низкую угодливость смешивать с добросовестным усердием^[3]. Поэтому благомыслящие читатели попрежнему могут брать наш журнал в руки, не боясь замарать их... Обозревая область литературной деятельности, мы смело будем называть хорошее Хорошим, а дурное дурным, с удовольствием останавливаясь на первом и стараясь проходить красноречивым молчанием второе, особенно если оно принадлежит к тем мимолетным и призрачным явлениям, которые не производят никакого влияния и не оставляют по себе никаких следов. Равным образом мы попрежнему предоставляем другим отыскивать промахи и ошибки своих собратий по журнальному ремеслу и попрежнему не отказываемся от благородного спора, чуждого личности и желания мелкого торжества. Сделать замечание или даже и возражение на мысль, которая нам кажется ложною, и подлавливать, как добычу для дневного пропитания, чужие обмолвки или промахи – две вещи, совершенно различные.

Мы должны бы начать наше обозрение с литературных явлений настоящего года; но, на первый раз, мы позволим себе небольшое отклонение от предположенного плана в пользу нескольких более или менее примечательных произведений прошлого года, о которых нам приятно поговорить. Начинаем с «Современника»: не говоря о том, что это периодическое издание более похоже на альманах в четырех частях, нежели на журнал, – оно влечет к себе наше внимание предметом, близким к русскому сердцу: мы разумеем стихотворные произведения и отрывки Пушкина, напечатанные в «Современнике» после смерти их великого творца. Предмет, отрадный и грустный в то же время! С одной стороны – мысль, что эти посмертные произведения свидетельствуют о новом, просветленном периоде художественной деятельности великого поэта России, об эпохе высшего и мужественнейшего развития его гениального дарования; а с другой стороны – мысль о том жалком воззрении, с каким смотрело на этот предмет детское прекраснодушие, которое, выглядывая из узкого окошечка своей ограниченной субъективности, мерит действительность своим фальшивым аршином и, осудивши поэта на жизнь под соломенною кровлею, на берегу светлого ручейка, не хочет признавать его поэтом на всяком другом месте: какое противоречие, и сколько отрадного и горького в этом противоречии!..

Мнимый период падения таланта Пушкина начался для близорукого прекраснодушия с того времени, как он начал писать свои сказки. В самом деле, эти сказки были неудачными опытами подделаться под русскую народность; но, несмотря на то, и в них был виден Пушкин, а в «Сказке о рыбаке и рыбке» он даже возвысился до совершенной объективности и сумел

взглянуть на народную фантазию орлиным взором Гёте. Но если бы эти сказки и все были дурны, одной «Элегии»¹

¹ Та самая, что приведена в первой статье этого № стр. 19.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

Цитата из «Бориса Годунова».

2.

В предыдущий период «Московский наблюдатель» под редакцией Андросова и Шевырева принципиально отказался от библиографии. Этот недостаток и хочет восполнить Белинский.

3.

«Толпа» в понимании Белинского – синоним пошлого и ограниченного филистерства. Характерно, что и позже Белинский прибегал к этому понятию, использовал известные стихотворения Пушкина для обличения светских «глупцов», которые смотрят на поэзию, как «на искусство втискивать в размеренные строчки с рифмами разные нравоучительные мысли».